

**ДО
САМОЙ
СМЕРТИ**

ТЕРЕЗА ДРИСКОЛЛ

INSPIRIA

Москва
2022

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Д74

Teresa Driscoll

THE PROMISE

Copyright © 2019 by Teresa Driscoll.

All rights reserved. This edition published by arrangement
with Madeleine Milburn Ltd and The Van Lear Agency LLC

В оформлении переплета и титула
использованы иллюстрации:

Dragon Images, Duncan Andison, jessicahyde / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Дрисколл, Тереза.

Д74

До самой смерти / Тереза Дрисколл ; [перевод с ан-
глийского О. Н. Лемпицкой]. — Москва : Эксмо, 2022. —
320 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Британия).

ISBN 978-5-04-164197-9

Три девочки и их самая темная тайна... Они поклялись
скрывать ужасающую правду до могилы.

Это случилось во время учебы в монастырской школе.
Тридцать лет назад. До сих пор Бет и Салли вместе пытаются
преодолеть травму от содеянного. Кэрол же отдалась от
бывших подруг. Ничего не поделаешь — жизнь. Главное, все
они твердо знают: слово их нерушимо, никто ничего не уз-
нает. По иронии судьбы, именно тихий безмятежный мона-
стырь навсегда укроет их тяжкий грех во мраке прошлого.

Они ошиблись. Шокирующая новость: обитель закрывают,
она пойдет с молотка! А значит, их страшная тайна неминуемо
будет раскрыта, разрушив с таким трудом выстроенные жизни.
Настало время исполнить обещание, данное друг другу тремя
девочками, дорожившими дружбой больше всего на свете.

Но и тут просчет — некто неизвестный уже все знает...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Лемпицкая О.Н., перевод
на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164197-9

*Посвящается
Мэгги и Кристоферу*

Этот роман является самостоятельным произведением, чьи события предшествуют событиям книги «Я слежу за тобой».

Пролог

— Кажется, я случайно зажала ей рот...

— Не говори глупостей! Даже не думай! Ты не виновата!

Воздух пропитан горем и запахом крови, они сидят почти неподвижно. Биение сердец отдается в ушах. Где-то тикают часы. Поет птица.

Три девочки. И одна мертва.

Бет смотрит на свое отражение — бледное чужое лицо. На голубой полочке аккуратно расставлены в ряд ракушки. Как странно видеть привычные предметы... Ракушки.

Бет собрала их прошлым летом, вымыла в кухонной раковине и отполировала до блеска. Еще не забылся морской ветер, вкус соли на губах, песок между пальцами ног. Отец с матерью махали ей с шезлонгов в красно-белую полоску. Она почувствовала себя счастливой — полностью, безоговорочно.

— Боже мой... Что теперь делать? Я попаду в ад? Я сгорю в аду? — словно сквозь толщу воды доносится до Бет голос подруги, глухой, неузнаваемый.

Бет смотрит на девочку с посиневшими губами, на лужу крови и понимает: то счастье на пляже — обман. Было и прошло. Навсегда. Как и их детство.

Глава 1

Бет, 2008 год

Вам знакомо странное чувство, когда звук из реального мира проникает в сон? Так вот...

Звонит телефон. Я смотрю на аппарат — нелепый, ярко-красный, огромный. Понимаю, что это сон, но не могу проснуться, поэтому беру трубку. Звон не замолкает. Кладу трубку. Звенит. Беру еще раз. Потом еще.

Наконец открываю глаза. Это мой мобильный! Различаю цифры на табло электронного будильника и мгновенно пугаюсь. Три часа утра. Что случилось? Кто-то умер?

Так, мои на месте. Адам мирно похрапывает под боксом. Дети в соседней комнате, вижу сквозь открытую дверь: рука Сэма в пижамной рубашке с ракетами и звездами свешивается с кровати, малыш Гарри спит в детской кроватке. Однако есть и другие любимые мной люди, и я, холодея от ужаса, прикладываю трубку к уху.

— Салли плохо! Можешь приехать, Бет? Она потеряла ребенка, — тихо и быстро говорит Ричард.

Помолчав, повторяет, словно я не расслышала с первого раза:

— Она потеряла ребенка.

Резко сажусь, зажимаю рот рукой, но слишком поздно — сдавленный вскрик вырывается наружу. Адам

просыпается, испуганно смотрит на меня. Гарри садится в кроватке, потом с уютным сопением укладывается на другой бок.

Трубка выскальзывает на пол, я шепотом повторяю:
— Салли потеряла ребенка. Ричард звонил.

Адам закрывает глаза и болезненно морщится. Он, разумеется, сочувствует Салли, но еще — я вижу по виноватому лицу, — также, как и я, радуется, что беда случилась не с нами — наши дети живы.

Я снова беру телефон.

— Как она? Где вы? В больнице?

— Дома. «Скорая» уже едет, а Салли заперлась в ванной. Не пускает. Говорит, никому, кроме тебя, не откроеет.

— Еду! — бросаю я, отключаюсь и вскакиваю с кровати. Хватаю со спинки стула тренировочные штаны и джемпер, натягиваю прямо на голое тело, сообщаю Адаму, что еду к Салли. Он не возражает, лишь просит вести машину осторожней.

Какая тут осторожность!.. Гоню как сумасшедшая, почти вслепую, потому что гневные слезы застилают глаза. Яростно сигналю.

Паркуюсь рядом с автомобилем Салли, вылезая. Машина медленно катится под уклон — забыла поставить на ручник. Приходится снова запрыгивать внутрь и тормозить. Когда вылезая во второй раз, ударяюсь ногой, из раны над лодыжкой сочится кровь, но я не чувствую боли. Я вообще не чувствую тела.

Звоню один раз, другой — *черт возьми, где он?* — третий. При каждом торопливом выдохе, словно дракон, выпускаю клубы пара в ночную прохладу. Ричард наконец отпирает дверь. Жаль, что я и в самом деле не изрыгаю пламя — спалила бы его дотла и переступила

через кучку пепла без малейшего сожаления. Ричарду я точно не сочувствую. Ненавижу его! За измены, за самоуверенность, за то, что он изначально не хотел потерянному ребенка.

Минуя Ричарда, бегу по лестнице. В зеркале на верхнем пролете вижу, как в дверном проеме мигают сигнальные огни «Скорой помощи». Дергаю ручку ванной комнаты — заперто.

— Салли, дорогая, это я — Бет! Впусти меня, пожалуйста!

Приглушенные рыдания, шорох.

— Салли, пожалуйста!

Наконец щелкает задвижка. Дверь не поддается, видимо, Салли сидит, прислонившись к ней спиной. Я уговариваю ее подвинуться. Едва захожу внутрь, Салли захлопывает дверь и умоляет запереться. Выполняю просьбу.

Салли сидит на полу, широко распахнув полные ужаса глаза, в белой пижамной рубашке с сердечками. Совсем, как ребенок, которому приснился кошмар. Вместо штанов окровавленное полотенце на талии. Она очень бледна, ее трясет. Мне становится страшно, я обнимаю Салли и чувствую, что тоже дрожу. Салли отстраняется, молча смотрит на меня, затем произносит:

— Его больше нет.

Последнее слово повисает в воздухе, словно бесплотный дух.

Шаги на лестнице, голоса за дверью. Бригада «Скорой помощи». Прошу подождать, объясняю Салли, что нужно впустить врачей — они помогут. Салли не слушает, мотает головой.

— Минутку! — кричу я через дверь.

Салли мерно покачивается, а затем тянется к ванной и достает свернутое в тугой валик бледно-голубое полотенце с подтеками крови.

— Бет, там мой ребенок... Я боюсь открыть.

Она умоляюще смотрит и протягивает полотенце. Нет, только не это! Даже думать не хочу! У нее рассудок помутился от горя.

— Ерунда! Ничего там нет! Срок слишком мал. Нет никакого ребенка! Точно!

Лицо Салли искажено мукой, глаза широко раскрыты.

— Надо взять его с собой... Вдруг еще можно?.. Возьмем его, Бет! Вдруг?..

У Салли дрожат руки. Я понимаю, что бесполезно звать к здравому смыслу. Слишком большая потеря крови. Она снова начинает раскачиваться. Аккуратно убираю волосы с ее лица, поднимаю сверток и обещаю, что ни за что его не брошу. Я о нем обязательно позабочусь, а она должна — ради меня — впустить врачей. Салли кивает. Не знаю, что пугает больше — сверток в руках или обращенные на меня доверчивые глаза. Открываю дверь, врачи кидаются к Салли — они, в отличие от меня, знают, что делать.

Салли больше не сопротивляется, Ричард говорит, что тоже поедет в больницу, она даже его не прогоняет. Я говорю, что догоню на машине, держу окровавленное полотенце и киваю — пусть Салли не сомневается, я сдержу обещание.

Нахожу на полке пустую сумку для туалетных принадлежностей, перевозимая тошноту, кладу туда сверток и с этим в багажнике еду следом за «Скорой». Мне не по себе, хоть я и уверена, что Салли ошибается.

Дальше бесконечные осмотры и анализы. «Без осложнений», — успокаивают врачи. Салли плачет не пре-

крашая. Я сижу рядом, глажу ее по голове, однако меня вскоре выгоняют в приемную, велют оставить Салли наедине с Ричардом. В приемной противно, холодно, пахнет хлоркой и, несмотря на запрет на курение, сигаретами. В углу автомат с напитками — спереди прилеплена коричневым скотчем надпись «НЕ РАБОТАЕТ», снизу вмятина. Так и тянет воспользоваться случаем и добавить еще одну. Нельзя. Приходится ходить из угла в угол. Наедине с мыслями. А мысли совсем не радостные.

Я уже начала откладывать вещи для ребеночка, у меня целая коробка в гостевой. Не надо было искушать судьбу...

Все-таки пинаю автомат.

К Салли меня пускают два часа спустя. Ричард, оказывается, давно ушел, Салли его прогнала. Это случается не в первый раз, но, видимо, в последний. Наконец мне разрешают забрать Салли домой, мы едем медленно, я не знаю, как утешить, лишь держу за руку, когда не переключаю передачи.

Неудивительно, что она порвала с Ричардом. О его последнем романе она узнала вскоре после того, как тест на беременность оказался положительным. Теперь уже незачем пытаться его простить, наладить отношения.

Хорошо помню, как Салли впервые обнаружила измену. Она сидела на бежевом ковре в спальне и методично резала одежду Ричарда — пиджак от «Армани», куртка от «Хуго Босс». Клацали ножницы.

Салли гостит у меня около двух недель. Я дарю ей магнолию. Банально, конечно. К тому же кривой росток в черном пластмассовом горшке выглядит довольно жалко, однако мне больше ничего не приходит в голову.

В нашей школе под окном росла прекрасная магнолия. Салли ее любила, часто читала, прислонившись к стволу, и на ее лице плясали темными пятнами тени листьев.

Я рою глубокую яму, на лице Салли снова тень — на этот раз более темная.

Мы обе знаем — в сумке ничего нет. Это-то и ужасно. *Ничего нет...*

Тем не менее мы хороним ее — зарываем под молодой магнолией в моем саду, потому что уже понятно — свой садик Салли придется продать. Произносим молитву. Вот и все...

Магнолия сейчас в цвету — высокая, красивая; ее расцвет краток, но прекрасен, как и родительское счастье Салли. Каждую весну, глядя, как ветер срывает лепестки, я думаю о хрупкости человеческих надежд.

Я рада, что была рядом с Салли в самый тяжелый момент ее жизни.

Однако у меня есть еще одна подруга, вернее призрак, с которой мне пришлось пройти еще более тяжелое испытание. И с ним, к сожалению, я не справилась.

Глава 2

Бет, настоящее

Восьмой по счету весной после описанных событий нам с Салли присылают по письму. Одинаковые письма в одинаковых кремовых конвертах для двух разных адресатов. Салли спокойно открывает свой конверт в тихой квартире с белыми коврами и белыми диванами.

Я письмо теряю.

Почтальон сует мне его вместе с газетами и счетами через окно машины. Мы на старте — отправляемся навстречу беспокойному семейному отдыху по случаю школьных каникул. Велосипеды, коробки и двое постоянно дерущихся мальчишек наконец погружены. «Не прошло и двух часов!» — думаю я и поглядываю на Адама — он так же измотан, как и я?

Раньше, до появления детей, Адам обожал устраивать сюрпризы. «Запасись одеждой потеплее», — бывало предупреждал он с улыбкой. Или — «там будет снег». И до самого аэропорта держал в секрете, куда мы едем.

А сейчас?.. Льет дождь, я смотрю, как ручейки обтекают стрелки «дворников», и мысленно благодарю всевышнего, что в «Лесном приюте» есть бассейн. Затем открываю страницу бронирования, чтобы вбить адрес в навигатор.

— Боже мой... Адам, какое сегодня число?..

— Шестнадцатое.

Я сверлю глазами бронь, словно это может что-то исправить — тщетно.

Дома суший ад.

— Мы пропустили отпуск? Ты серьезно? Мы *пропустили отпуск*?

Адам, бледный от потрясения, в свою очередь, сверлит глазами меня, мальчишки катаются по коврику, воют в два голоса и отчаянно сучат ногами, как пораженные средством от насекомых мухи.

— Как можно перепутать даты отпуска? Перепутать неделю!

А сам ни разу не организовывал семейный отдых с тех пор, как родились мальчишки... о сюрпризах я вообще молчу! Долю секунды даже размышляю — не при-

помнить ли ему это, но вовремя сдерживаюсь. Сейчас не та ситуация.

Голос у Адама не менее потрясенный, чем выражение лица — он отказывается верить в происходящее. Если честно, я и сама не верю. Как и главный администратор гостиницы.

— Вы просто пропустили... ваше время? — удивляется она.

Увы-увы... Пока она проверяет данные, я зажимаю подбородком трубку и машу руками Адаму и мальчишкам, чтобы помолчали хоть секунду и дали мне спокойно вести переговоры.

Признаю свою вину и полную несостоятельность. Должно быть, перепутала даты школьных каникул и забронировала не то время. Мне очень-очень жаль, а нельзя ли нам предоставить другой номер? *Любой.* Тем более что мы *постоянные клиенты...*

В трубке молчание. Мне уже было неоднократно сказано, что *в дни каникул свободных мест нет.* Пытаюсь предложить дополнительную плату, получаю вежливый отказ. Тогда спрашиваю, почему на прошлой неделе нас не хватились. И завершаю победным: «Кто, интересно, занимал наш полностью оплаченный семейный люкс?» Кажется, сработало. Мухи на ковре перестают сучить лапками и прислушиваются.

Наконец администратор предлагает мне отдельный домик, где слегка заедает дверь террасы.

— Официально он сейчас на ремонте, — поясняет она.

Я сообщаю девушке, что она спасла мне жизнь и брак. Записываю новый номер брони, кладу трубку и торжествующе скидываю руки.